

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Л.А. БЕЛЯЕВА***Отношения собственности в современной России:
социальные эффекты и перспективы***

В статье обсуждаются социальные последствия приватизации государственной собственности в России и связанные с ними проблемы. Рассмотрены этапы институциональных изменений в отношениях собственности. Показано, что сложившаяся смешанная экономика развивается в рамках системы "власть-собственность". Это существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность.

Ключевые слова: приватизация, институциональные изменения, "власть-собственность", смешанная экономика.

“...гибнет уже земля наша не от нашествия
двадцати иноплемennых языков, а от нас самих;
что уже, мимо законного управления,
образовалось другое правление, гораздо сильнее
всякого законного”.

Н. В. Гоголь

В широком спектре тех изменений, которые произошли в России за последние два с половиной десятилетия, наиболее радикальными, но еще недостаточно изученными являются изменения в отношениях собственности. Причем эти процессы пока не обрели законченные формы, они продолжают в разных направлениях и затрагивают жизненные интересы групп и слоев, коллективов и отдельных граждан. Можно утверждать, что эти изменения самым существенным образом сказались на всей системе жизнедеятельности общества.

Большая часть аналитических и проектных работ по проблемам собственности подготовлена юристами и экономистами (см., например, [Приватизация... 2014; Права... 2009; Сухарев 2013; Лапаева 2014]). Продолжает создаваться современная история преобразования государственной собственности, существовавшей десятилетиями в Советском Союзе, в частную. Этот процесс часто рассматривается как магистральный путь ухода от тотальности, от несвободы индивида к творческой активности

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 17-03-50073 “Социальное пространство современной России”).

Б е л я е в а Людмила Александровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 109240, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр.1. E-mail: mula.belyaeva@mail.ru

и свободе [Никольский 2015; Бурганов 2000]. Есть литература, в которой социальное влияние и последствия изменений в отношениях собственности в России анализируются сквозь призму субъективных оценок этого процесса [Попова 2009; Собственность... 2006]. Но гораздо реже встречаются публикации, где исследуются объективные процессы изменения социальных отношений и социальных взаимодействий сторон, вовлеченных в экономические и юридические отношения собственности [Яжборовская 2008]. Между тем это поле столкновения интересов больших групп людей и отдельных индивидов, на котором в течение четверти века разыгрываются настоящие драмы. Это такой переходный период, который, по аналогии с утверждением З. Баумана, можно определить как *interregnum*, состояние неуверенности, когда будущее непредвиденно, когда мы даже не знаем, как предвидеть развитие событий.

Но несмотря на латентный характер многих процессов перетекания собственности из государственных в частные руки, ряд социальных последствий уже достаточно четко обозначились. Можно выделить ключевые социальные проблемы, связанные с процессами изменений отношений собственности в России: изменения социальной структуры общества и углубление социального неравенства; изменение стартовых возможностей и социальных лифтов для людей из разных социальных страт; социально-политическая консолидация в обществе, связанная с субъективными мнениями о справедливости в перераспределении государственной и общественной собственности и многие другие. В этой статье будут затронуты только два аспекта социальных отношений собственности: десоциализация собственности и социально-экономические эффекты становления смешанной экономики.

Десоциализация собственности в России

Кардинальное изменение отношений собственности, начавшееся в России в начале 1990-х гг., означало изменение социально-экономического строя в стране, ликвидацию монополии КПСС, начало капиталистических преобразований, перехода от плановой к рыночной экономике. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. На деле же экономическая реформа с самого начала напоминала напряженное противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны. Философ В. Биbihин ярко запечатлел этот процесс: “В той войне за собственность, которая сейчас идет уже по всему пространству в важном смысле еще не бывшего Советского Союза,— она уже захватила всех так глубоко, до оснований человеческого существа, что гражданская война в виде открытого военного противостояния у нас невозможна, ей некуда вместиться, злости на нее уже не хватит, потому что ее не хватает людям на войну за собственность,— люди падают задолго до того, как бросятся друг на друга и незаметно для себя, в раннем начале погони упустив спросить, кто такие они сами, которые ее ведут” [Биbihин 1996].

В ходе приватизации акцент был сделан на перераспределительных процессах и их скорости, но то, ради чего, собственно, и начиналась эта реформа,— обретение эффективного собственника — быстро ушло на задний план. Об этом свидетельствует вся история российской приватизации. В ней можно выделить несколько условных этапов. В рамках первого были проведены так называемая малая и чековая приватизации (1992—1994 гг.). Малая приватизация — продажа предприятий через аукционы позволила приватизировать до 70% предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая (ваучеризация) приватизация крупных и средних предприятий, хотя и проводилась преимущественно по формуле, оставляющий 51% акций трудовому коллективу, в реальности дала преимущества директорам и управленцам. Решение о неименных ваучерах, открывшее возможность их перепродажи, способствовало концентрации чеков в руках разного рода бизнесменов, которые далеко не всегда действовали с целью повышения эффективности производства, а не вывода из него ценных активов. В процессе участвовали также теневые структуры,

действовавшие через чековые инвестиционные фонды и использующие близость к организаторам приватизационного процесса. Отсутствие четкого правового регулирования, открытие рынков капитала привели к перетеканию собственности по криминальным каналам и выводу активов за рубеж.

Второй этап (1995 г.) связан с залоговыми аукционами, проведенными в предвыборный период для пополнения государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефте-газового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. Реализации этого этапа содействовало несколько условий: фактический провал денежной приватизации 1995–1996 гг. (прежде всего — отсутствие спроса на большинство продаваемых крупных пакетов акций); совпадение интересов правительства (пополнение доходной части бюджета любыми методами) и ряда банков (захват контроля в некоторых промышленных и добывающих корпорациях с минимальными издержками); наличие огромной задолженности предприятий бюджету и друг другу; развертывание новой войны за собственность между крупнейшими финансовыми и промышленными группировками России. К началу 1998 г. этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов “ЮКОС”, “Сиданко”, “Сибнефть”, “Сургутнефтегаз”, “Лукойл”, а также РАО “Норильский никель” [Приватизация... 2014].

Третий этап, длящийся с 1996 г. по настоящее время, характеризуется продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие сговор претендентов. Крупная собственность продается на внутрироссийских и зарубежных биржах. Кроме того, продолжается интенсивная смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточенных акционерных войн, сопровождающихся рейдерскими захватами и другими противоправными действиями. На всех трех этапах отмечается участие в приватизации криминальных группировок, использующих как “мягкие”, так и “жесткие” методы вступления в права собственности.

Одним из весомых изъянов при реформировании собственности было то, что на конституционном и законодательном уровнях не были урегулированы отношения внутри вновь появившихся юридических лиц, ставших частными собственниками. Это обусловило отчуждение коллективов от владения и управления собственностью в России. По мнению видного юриста В. Андреева, произошло “полное отчуждение трудящихся от средств производства, которые стали частными! При приватизации трудовой коллектив государственного (муниципального) предприятия целиком исключается из управления имуществом, а право полного хозяйственного ведения, которое юридически приравнивалось к праву собственности, трансформировалось в частную собственность коммерческой организации. Зачатки частной трудовой собственности были загублены” [Андреев 2007].

Существенному изменению были подвергнуты положения Конституции и Гражданского кодекса, относящиеся к собственности на землю. В Конституции (глава 9) отмечается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Но по Закону РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 “О недрах” (в редакции от 18 июля 2008 г.) недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Права пользования недрами могут отчуждаться или переходить

от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами.

Существенные изменения произошли в распределении природной ренты – дохода от хозяйственного, коммерческого или иного использования недр, извлечения запасов полезных ископаемых. В советский период происходило социально ориентированное использование природной ренты – в период расцвета нефтедобычи (1975–1985 гг.) 50% госбюджета формировалось за счет ее полного безналогового изъятия. За этот счет финансировались и образование, здравоохранение, другие социальные программы. Положение резко изменилось после приватизации предприятий нефтегазового сектора, ставших наиболее привлекательными для новых бизнесменов, которые получили возможность присвоения существенной части этой ренты. И хотя с января 2002 г. была введена новая схема налогообложения, позволившая изымать большую часть природной ренты, что наполняло бюджет страны до 45,5% (2005 г.) по сравнению с 21,6% в 2003 г. (<http://www.promved.ru/next/article/?id=768>), значительная ее часть по-прежнему остается у частных владельцев предприятий. Между тем недра – это общенародная собственность и, как писал академик Д. Львов, необходимо обращение рент от использования природных ресурсов в общественные доходы, которые будут аккумулироваться в системе общественных финансов. Эта сумма рентных доходов и составит чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю [Львов 2007].

Неоптимальное, стремительное, законодательно не отработанное разгосударствление собственности предопределило перекосы в отраслевой структуре экономики и, относительно советского периода, падение производительности труда. Если согласно проектам, отраженным в президентских указах, с 2011 по 2018 г. намечалось повысить производительность труда на 50%, то реальное повышение в 2012–2015 гг. составило только 4%. Для выполнения намеченных показателей ежегодный рост производительности труда в 2016–2018 гг. должен составлять 20%, что совершенно не реально.

Таблица 1

**Отраслевая структура валовой добавленной стоимости
Российской Федерации 2005–2010–2015 гг.
(в текущих ценах; в % к итогу)**

Отрасль	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Сельское хозяйство	5,2	4,3	5,2
Добыча полезных ископаемых	12,8	10,4	11,2
Обрабатывающая промышленность	18,5	17,7	17,0
Оптовая и розничная торговля	21,8	19,4	17,9
Все прочие отрасли	41,7	48,2	48,7
Итого	100	100	100

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm

Стагнация роста производительности труда и несовременная структура отраслей (см. табл. 1) – одни из заметных характеристик состояния экономики, его медленной структурной перестройки и диверсификации. В пореформенный период был снижен технический потенциал гражданских отраслей экономики, разрушались старые производства, на которых было занято основное работающее население, а новые обрабатывающие производства почти не создавались. Существенную роль в сложившемся

положении играют, на мой взгляд, последствия приватизации 1990–2000-х гг., не только не давшей имевшемуся экономическому потенциалу нового эффективного собственника и не предполагавшей в качестве условия обретения собственности инвестиции в него, но и способствовавшей росту отчуждения рядовых работников, разочарованных ее результатами.

Стагнирует и процесс создания новых производств. Так, прирост числа вновь созданных предприятий, особенно обрабатывающих отраслей, в последнее десятилетие весьма невелик. В таблице 2 представлено число вновь созданных предприятий по основным видам экономической деятельности в 2005, 2010 и 2015 гг. В 2005 и 2015 гг. наибольшая активность по созданию предприятий была сосредоточена в сфере операций с недвижимостью, в 2005 г. активно создавались сельскохозяйственные предприятия, в 2015 г. активизировалось создание предприятий торговли, но в обрабатывающих отраслях число вновь вводимых предприятий не только не выросло, но и сократилось. Среди них предприятия, производящие машины и оборудование, требующие значительных капитальных вложений и организационных усилий, составляют ничтожно малое число. При этом основной прирост новых обрабатывающих предприятий приходится на пищевую промышленность (110) и металлургию (70). Как существенное достижение можно отметить, что было создано 70 новых предприятий по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Таблица 2

Создание впервые (новых) предприятий в России*

	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Всего по организациям – юридическим лицам	4885	1931	4089
Из них:			
Сельское хозяйство	993	124	150
Обрабатывающие производства	595	230	580
в том числе производство машин и оборудования	67	25	56
Оптовая, розничная торговля	508	473	766
Операции с недвижимым имуществом, аренда, предоставление услуг	1069	358	1091

* По организациям без субъектов малого предпринимательства, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций.

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm.

Новые показатели, разработанные Росстатом, – коэффициент рождаемости и коэффициент ликвидации предприятий свидетельствуют, что второй показатель в 1,5 раза превышает первый (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm). Восстановление индустриального потенциала столь низкими темпами сказывается на занятости населения и его профессиональной структуре: численность занятого населения в обрабатывающих производствах сократилась в 2005–2016 гг. с 18,7% до 14,5% (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#). Перетекание рабочей силы из промышленности в обслуживание и торговлю означает, ко всему прочему, и утрату навыков квалифицированного индустриального труда и производственной дисциплины, которая будет вновь востребована при реиндустриализации экономики.

Средний, малый и индивидуальный бизнес также не могут обеспечить благоприятные условия для развития и экономики в целом и трудовых ресурсов в частности.

С 2008 по 2014 г. численность индивидуальных предпринимателей сократилась в стране на 2,7 млн человек и насчитывает сейчас 3,5 млн действующих предпринимателей, или 2,2% населения страны (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/#). Темпы роста числа зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в нашей стране остаются низкими — ежегодно их число увеличивается на 4%, в то время как количество индивидуальных предпринимателей, прекративших свою деятельность, растет на 11%.

В отраслевой структуре малых и средних предприятий доминируют торговля и оказание услуг населению (в 2010–2015 гг. 38 и 36%, соответственно, от числа средних и малых предприятий — юридических лиц), операции с недвижимостью (21 и 23%, соответственно) и строительство (по 11%), занятость в обрабатывающих отраслях составляла в 2015 г. только около 9%, сократившись по сравнению с 2010 г. на 0,7%) (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-spn2015.html). В результате и отраслевая структура работающих в основном сохраняется не в самом оптимальном виде¹. При сокращении общей численности занятых на средних и малых предприятиях в 2010–2015 гг. произошло уменьшение числа работающих на обрабатывающих производствах, в строительстве и торговле, при одновременном росте более чем на 100 тыс. человек занятости в операциях с недвижимостью (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-spn2015.html).

Замечу, что в нашей ситуации рост сферы услуг населению свидетельствует отнюдь не о вступлении в постиндустриальную фазу экономического развития, а скорее о разрушении индустриального базиса экономики при недостаточной развитости услуг информационного, научного, образовательного характера. Среди товаров и услуг малых предприятий в 2015 г. только 1,6% были инновационными. Вообще, согласно данным “Российского статистического ежегодника” 2016 г., для нашей экономики характерен низкий удельный вес инновационных товаров, работ, услуг: 8,2% (2014 г.) и 7,9% (2015 г.) в добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; 12,8 (2014 г.) и 13,2% (2015 г.) — в связи деятельности с использованием вычислительной техники и информационных технологий, в научных исследованиях и разработках, предоставлении прочих видов услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в этих отраслях (стр. 522, 528–529). Между тем в постиндустриальной экономике сфере услуг отличает высокий технологический уровень, нахождение на пике информационных достижений, она встраивается в экономику, во все ее отрасли как двигатель развития. В России эти виды услуг также развиваются, но со значительным отставанием и неравномерно по отраслям.

Востребованность высокотехнологических и информационных услуг во многом диктуется уровнем индустриального и постиндустриального развития экономики. У нас, как известно, появление новых средних и малых предприятий в промышленности, обычно являющихся проводником инноваций, тормозится высотой административных и экономических барьеров. Во-первых, существует достаточно сложное и объемное законодательство, которое к тому же очень часто изменяется. При этом полноценного информирования о происходящих изменениях нет, а пользование услугами высококвалифицированных профессиональных юристов для малого и среднего бизнеса финансово затруднительно. В результате часто допускаются ошибки

¹ Хотелось бы также напомнить об одной детали, связанной с развитием отечественного малого бизнеса. Академик ВАСХНИЛ В. Тихонов, возглавлявший в начале 1990-х гг. Лигу кооператоров и предпринимателей, вспоминал, что с началом развития кооперативов многие из них занимались производством, в основном арендуя производственные мощности у государственных предприятий. Однако их собственные активы были все еще преимущественно в денежной форме. Скачок инфляции, связанный с началом реформ, больно ударил по ним. “Поэтому большинство производственных кооперативов ко второй половине 1992 года либо стали нищими, либо должны были использовать свой денежный капитал для быстрого оборота в сфере обращения — в оптовой и розничной торговле, в биржевых махинациях и т.п.” [Тихонов 1994, с. 8]. Так была погублена одна из ветвей развития производственного малого бизнеса, набиравшая обороты в годы перестройки.

и нарушается законодательство, следствием чего становятся высокие штрафы, непосильные для предпринимателей. Поэтому многие, особенно микропредприятия, уходят в “тень” или закрываются. Во-вторых, налоговое бремя и проверки создают трансакционные издержки, которые ложатся тяжким грузом на бюджет предприятия, вынуждая работать в “тени”, прекращать деятельность или пользоваться коррупционными каналами сокращения этих издержек.

За столь длительный период от начала приватизации экономическая и структурная эффективность экономики остаются ниже дореформенного уровня. Эксперты считают, что причины этого — в недостаточно подготовленных правовых и институциональных основах приватизации и трансформации отношений собственности, прежде всего по отношению к крупным государственным предприятиям. Темпы приватизации были столь стремительными, что за ними не поспевала законодательная база. Характерна оценка стратегии ускоренной приватизации, осуществленной в России, данная безусловным сторонником рыночной экономики и частной собственности, видным венгерским экономистом Я. Корнаи: «Здесь все характеристики данной стратегии проявились в крайней форме: навязанная стране ваучерная приватизация вкупе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников. В этих условиях произошла не имеющая прецедентов в истории “реформа собственности”, в ходе которой природные ресурсы страны, особенно нефть и газ, были фактически экспроприированы “олигархами”» (<http://www.reforms.ru/kornai.htm>). Корнаи определенно высказал поддержку стратегии органического, постепенного роста частного сектора, которая была осуществлена, например, в Польше и Венгрии.

Вопрос о легитимности крупной частной собственности в России — до сих пор один из самых болезненных. Сама эта приватизация рассматривается некоторыми юристами как негласный сговор между властью и сформированным ею крупным бизнесом, а не на базе общественного договора, заключаемого в публично-правовом пространстве. Произошедшее слияние власти и собственности предопределило все основные дефекты политико-правового развития страны в последующие годы. По мнению В. Лапаевой, современная Конституция РФ “проигнорировала наиболее существенный и трудный вопрос постсоциалистической трансформации — вопрос о принципах десоциализации общенародной социалистической собственности. В этом ключевом вопросе Конституция РФ была и остается основным законом развитого государства с рыночной экономикой, а вовсе не государства, осуществляющего сложный переход от одной формы собственности и основанного на ней устройства государственной и общественной жизни к другой форме собственности и к другому социально-политическому строю” [Право... 2016].

В результате сложилась такая неофеодалная система “власть-собственность”, в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур и макроэкономических рисков. Превращение предпринимательства в деятельность, подконтрольную власти, а не закону, существенно снижает ее самостоятельность, ограничивает инвестиционную активность, стимулирует “бегство” капиталов за рубеж и паразитарное потребление вместо вложения капиталов в производство. У предпринимателей нет внутреннего ощущения правовой защищенности бизнеса, его безопасности как в прямом смысле слова, так и в плане его легитимности и невозможности “отнятия по закону”, в результате или “криминального банкротства”, или рейдерского захвата. В свою очередь, крупные предприниматели оказывают влияние на власть, добиваясь преференций для развития собственного бизнеса, льготных условий и бюджетного финансирования. Достигнуто выгодное обоим сторонам слияние собственности и власти, при этом говорить о равенстве условий для развития бизнеса можно только с большой натяжкой. Это порождает чувство несправедливости, которое транслируется и в далекие от предпринимательства круги, деформирует трудовые ценности и деловую активность среднего класса — основного поставщика предпринимателей в России. А население практически не связывает проблемы экономического

развития и устойчивости отношений собственности. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют ответы на вопросы Левада—Центра о том, что сейчас больше всего угрожает России (см. табл. 3).

Таблица 3

Что сейчас больше всего угрожает России? (в %)

Варианты ответов	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Рост цен, обнищание широких слоев населения	55	58	55	49	54	53
Экономический кризис	59	38	26	29	49	49
Рост безработицы	56	40	30	31	26	27
Угроза частной собственности, ущемление интересов частного бизнеса	2	4	4	4	2	3
Передел собственности, отберут честно заработанное	2	4	6	3	2	3

Источник: [Общественное... 2017, с. 27].

Социально-экономические эффекты становления смешанной экономики

К настоящему времени доля государственных предприятий достигает, по разным оценкам, от 50 до 70% экономики России, остальная часть предприятий относится к частной и смешанной формам собственности. В стране сформировалось многоукладное хозяйство, или смешанная экономика, существующая в большинстве развитых стран мира.

Что же отличает именно российский ее вариант? По данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, государственный сектор занимает существенное место в экономике страны. Из 100 крупнейших компаний страны в 28 участвует государство, в них работают 6,1% занятых в экономике, их выручка составляет 2,8% ВВП. Анализ отраслевой структуры показал, что крупнейшие компании с государственным участием присутствуют в 9 отраслях, большая часть из них функционирует в машиностроении (7 компаний), нефтяной и нефтегазовой промышленности (6), банковской сфере. При этом по данным за 1998, 2005, 2009 и 2014 гг. увеличивалась доля государства в секторе машиностроения, нефтяной и нефтегазовой промышленности, банковской сфере. Присутствие государства заметно снизилось в химической и нефтехимической промышленности. Оно практически не представлено в сфере торговли, цветной и черной металлургии (http://fas.gov.ru/upload/aboutfas/Doklad_3.pdf).

Но в целом по экономике присутствие государства в последние годы наращивается. По данным Федеральной антимонопольной службы (ФАС), количество государственных и муниципальных унитарных предприятий за три года утроилось. Они создают серьезную угрозу рынкам с развитой конкуренцией, поскольку используют административный ресурс и бюджетное финансирование. Расширение доли государства в экономике усиливает монополистические тенденции и в пока еще “не контролируемом государством экономическом пространстве”. Вклад госкомпаний в ВВП вырос с 35% в 2005 г. до 70% в 2015 г. (http://fas.gov.ru/upload/aboutfas/Doklad_3.pdf).

Структура экономики — отраслевая и по формам собственности, как можно судить по достигнутым за два с половиной десятилетия результатам, не отличается эффективностью. Причина, по мнению многих общественников — и экономистов, и социологов, и юристов, — состоит в том, что центральные позиции в обществе занимает система

власти-собственности², которая в современной России предстала как мутированное перерождение советской системы “власть — государственная собственность” в систему “власть — частная собственность”, причем между советской и постсоветской системами существует тесная взаимосвязь. Не произошло отделение властно-государственных функций от технико-экономических функций, которые должны перейти к частному бизнесу или к управляющим государственной собственностью, действующим в условиях рыночных отношений. Сращивание власти и собственности происходит не только на общероссийском уровне, но и на уровне регионов, муниципальных образований, в отдельных населенных пунктах. Власть предстала в частнособственнической оболочке.

Сложившаяся в постсоветской России общественную систему О. Шкаратан характеризует как этакратизм в новой фазе его развития — неоэтакратизм. Роль государства в нем — по-прежнему определяющая, но не единственная, как это было в Советском Союзе, поскольку присутствует и частнособственническая рыночная компонента [Шкаратан 2015]³. Н. Плискевич еще 10 лет назад отметила, что в постсоветской России «сложилась четкая система взаимоотношений государственных чиновников, в том числе “силовиков”, и бизнесменов, в которой последние все более попадают в прямую зависимость от первых. Причем структура отношений на разных этажах “властной вертикали” идентична. Если высшее руководство строит свои отношения с “олигархами” в рамках институциональных форм, которые можно признать современной модификацией отношений “власти-собственности”, то региональная власть воспроизводит такие же формы на своем уровне, а местная власть, соответственно, выстраивает по тем же принципам отношения с малым и средним бизнесом на своей территории» [Плискевич 2006, с. 97].

Есть основания считать, что в современной России реальные отношения собственности включены в механизмы инвестирования средств в политические процессы. Участвующие в этих механизмах предприниматели в свою очередь получают дивиденды в виде монополизации рынков, контроля над финансовыми потоками, бюджетных вливаний, получения выгодных заказов через “липовые” тендеры и иные преференции, возникающие в силу близости бизнесменов к властным структурам, тем более когда в одном лице слились предприниматель и государственный управленец, руководитель. В этих условиях для экономического подъема и развития нет стимулов, направляющих созидательную энергию наиболее активных субъектов развития — предпринимателей и среднего класса.

Кроме того, повсеместно нарушаются формальные правила взаимодействия, диктуемые законами, приоритет отдается неформальным сигналам, идущим из системы управления. В результате уровень доверия ко всем государственным органам у бизнесменов очень низкий. По опросу предпринимателей, проведенному нами в 2016 г.⁴, самое низкое доверие представители бизнеса испытывают к проверяющим органам и организациям (им доверяют только 16%). На реальную помощь предприниматели могут рассчитывать в основном от финансовых организаций и частных фирм. Причем помощь органов власти доступна не всем: только некоторые предприниматели располагают этим социальным капиталом. По их мнению, власть часто рассматривает бизнес как возможность использовать его ресурсы для помощи в решении проблем территории, а также как питательную среду для коррупции.

Нельзя недооценивать и значимость формального, соответствующего закону, правила взаимодействия бизнеса и власти для становления гражданского общества и гражданской солидарности. Сегодня предприниматели не выведены в общественном сознании за

²Этот термин предложен известным востоковедом Л. Васильевым.

³Еще в начале 2000-х гг. Р. Нуреев и А. Рунов констатировали, что итогом преобразований 1990-х гг. стала перенеституционализация советского варианта власти-собственности в постсоветский [Нуреев, Рунов 2002].

⁴Было опрошено около 100 предпринимателей большинства отраслей экономики с разным стажем работы в бизнесе, разных возрастов и образования. Размер организаций колеблется от менее пяти человек до свыше 250. В выборке представлены все размеры населенных пунктов — от столицы до сельской местности и шести географических регионов (Центрального, Северо-Западного, Поволжского, Южного, Сибирского и Дальневосточного).

пределы общества, занятия бизнесом не исключает для себя и своих детей значительная часть населения, доверие к предпринимателям в последние годы растет. Наш опрос показал, что бизнесмены отмечают улучшение отношений с населением, они стали системным элементом социальной структуры общества, что еще более актуализирует проблему правового регулирования отношений бизнеса и государства, бизнеса и общества в лице наемных работников. Для функционирования частных предприятий важно преодоление чрезмерного администрирования, неправомерного регулирования их деятельности.

Неформальные личные взаимодействия — неотъемлемая составляющая социального капитала предпринимателя, помогающая решить проблемы наиболее оптимальным и простым путем. Цепочки “личных связей” часто наиболее эффективный путь достижения цели. Сюда же органично вписаны и коррупционные связи, выстраиваемые в обмен на денежное вознаграждение, материальные ценности и услуги. Изучать реальные размеры и формы коррупции социологическими методами довольно сложно. Понятно, что далеко не всегда наши респонденты бывают тут откровенны. Тем не менее наш опрос показал, что для 56% опрошенных коррупция — значительное или очень значительное препятствие для бизнеса. Детализация этого вопроса выявила, что необходимость делать подарки или доплачивать возникает при общении со многими организациями, с которыми предприятие взаимодействует. На первом месте по упоминанию были полиция, проверяющие органы и муниципальные чиновники. При этом 40% опрошенных признались, что попадали в ситуацию, когда от них ожидали или требовали взятку при решении проблем их бизнеса. Выведение предпринимателей из ситуации вынужденного нарушения закона будет способствовать их социальной интеграции в ткань общества, росту их правосознания.

Основным субъектом, который предъявляет спрос на правовое государство, является средний класс, начавший формироваться в России с началом рыночных преобразований в виде аналога среднему классу западных стран. Сейчас он составляет не более 20% взрослого населения страны и в значительной степени представлен мелкими и средними предпринимателями и самозанятыми [Беляева 2016]. Характерно, что численность среднего класса практически не росла за последние годы, когда в России укреплялась власть бюрократической прослойки.

Таким образом, изменения в отношениях собственности в России за последние четверть века можно охарактеризовать как социально радикальные, но недостаточно экономически эффективные. Остаются нерешенными вопросы о легитимности крупной собственности, особенно полученной в результате проведения залоговых аукционов. В стране не удалось создать смешанную экономику с высоким уровнем конкуренции в большинстве отраслей. Экономика остается высокомонополизированной, предприятия находятся в тесной связке с властью на всех уровнях, что препятствует развитию рыночных институтов и конкуренции. На новом этапе экономического развития с очевидностью будет возрастать роль государства и государственных предприятий, прежде всего ОПК. Необходимость более тесного технологического взаимодействия оборонных и гражданских отраслей подчеркнута в Указе Президента РФ “О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации”, где прямо отмечено: “Практически отсутствует передача знаний и технологий между оборонным и гражданским секторами экономики, что сдерживает развитие и использование технологий двойного назначения” (*pravo.gov.ru*). Параллельно необходимо действовать в направлении создания институциональных условий для становления полноценной рыночной экономики и конкуренции, чтобы создавать потенциал будущего ускоренного развития в русле традиций развитых стран мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев В. К. (2007) О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Клувер (<https://gissher.org/v-k-andreev-o-prave-chastnoy-sobstvennosti-v-rossii-2007-t47387.html>).

Беляева Л. А. (2016) Социокультурные вызовы российской модернизации: пространство, человеческий капитал и структурация общества // Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир. С. 45–86.

- Бибихин В. В. (1996) Проблема собственности // Гуманитарные науки в России. Психология. Философия (http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti).
- Бурганов А. Х. (2000) Гражданское общество в России как сособственность граждан // Социс. № 1. С. 99–106.
- Лапаева В. В. (2014) Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Электронные Журналы издательства NOTABENE (http://e-notabene.ru/Ir/article_10985.html).
- Львов Д. (2007) Стратегия развития России // Перспективы. Электронный журнал (http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitija_rossii_2007-03-16.htm).
- Никольский С. (2015) Собственность и собственное. Российское общество в поисках двигателя перемен // Независимая газета. 21 января.
- Нуреев Р. М., Рунов А. Б. (2002) Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–23.
- Общественное мнение — 2016. Ежегодник (2017) М.: Левада-Центр.
- Плискевич Н. М. (2006) “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. № 3. С. 62–113.
- Попова И. П. (2009) Отношение к частной собственности в различных социально-профессиональных группах // Социология власти. № 1. С. 22–32.
- Права собственности, приватизация и национализация в России. (2009) М.: Новое литературное обозрение.
- Право и национальные традиции. Материалы круглого стола (2016) // Вопросы философии. № 12. С. 5–41 (http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52).
- Приватизация в современном мире: теория, эмпирика, “новое измерение” для России. В 2 т. (2014) М.: Дело.
- Радыгин А. (1998) Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. № 3. Том VII. С. 3–32.
- Сухарев О. (2013) Приватизация, национализация и экономическая реформа (принципы, критерии, теория, дисфункции) М.: Финансы и статистика.
- Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян. (2006) М.: Наука.
- Тихонов В. (1994) Реформа способствует усилению монополизма // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–14.
- Шкаратан О. И. (2015) Социальная система, обращенная в прошлое. Часть 2 // Социологический журнал. № 4. С. 80–119.
- Яжборовская И. С. (2008) Трансформация отношений собственности в постсоциалистических странах: успехи и проблемы // Россия в глобальном мире: социально-политические проблемы. М.: Институт социологии РАН.

Property Relations in Modern Russia: Social Effects and Prospects

L. BELYAEVA*

**Belyaeva Lyudmila — doctor of Sciences (Sociology), leading researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: mila.belyaeva@mail.ru*

Abstract

The article discusses the problems and social consequences of state property privatization in Russia. The stages of institutional changes concerning property relations are considered. The article shows that the mixed economy develops within the framework of the “power-ownership” system. This significantly reduces the independence of entrepreneurs, limits their investment activity in Russia.

Keywords: privatization, institutional changes, “power-ownership”, mixed economy.

REFERENCES

- Andreev V. K. (2007) *O prave chastnoy sobstvennosti v Rossii (kriticheskiy ocherk)* [About the right of private ownership in Russia]. Moscow: Volters Kluver (<https://gisher.org/v-k-andreev-o-prave-chastnoy-sobstvennosti-v-rossii-2007-t47387.html>)
- Beljaeva L. A. (2016) Sotsiokul'turnye vyzovy rossiyskoy modernizatsii: prostranstvo, chelovecheskiy kapital i struktural'siya obschestva [Socio-cultural challenges of Russian modernization: space, human capital and the structuring of society]. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy* [Atlas of Modernization in Russia and its Regions: Socio-economic and Cultural Trends and Problems]. Moscow: Ves' mir, pp. 45–86.
- Bibihin V. V. (1996) *Problema sobstvennosti* [Property Problem]. *Gumanitarnye nauki v Rossii. Psihologiya. Filosofiya* [Humanities in Russia. Physiology. Philosophy]. Moscow (http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti).
- Burganov A. H. (2000) Grazhdanskoe obschestvo v Rossii kak sosobstvennichestvo grazhdan [Civil society in Russia as co-ownership of citizens]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 99–106.
- Yazhborovskaya I. S. (2008) Transformatsiya otnosheniy sobstvennosti v postsotsialisticheskikh stranah: uspehi i problemy [Transformation of property relations in post-socialist countries: successes and problems]. *Rossija v global'nom mire: sotsial'no-politicheskie problemy*. [Russia in the global world: socio-political problems]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Lapaeva V. V. (2014) Privatizatsiya sotsialisticheskoy sobstvennosti: konstitutsionno-pravovoy i filosofsko-pravovoy analiz [Privatization of socialist property: constitutional legal and philosophical legal analysis]. *Elektronnyye Zhurnaly izdatel'stva NOTABENE* (http://e-notabene.ru/lr/article_10985.html).
- L'vov D. (2007) Strategiya razvitiya Rossii [Strategy of development of Russia]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* (http://www.perspektivy.info/table/strategiya_razvitiya_rossii_2007-03-16.htm).
- Nikol'skiy S. (2015) Sobstvennost' i sobstvennoe. Rossiyskoe obschestvo v poiskah dvigatelya peregomen [Property and ownership. Russian society in search of the engine for a change]. *Nezavisimaya gazeta*. 21.01.
- Nureev R. M., Rounov A. V. (2002) Nazad k chastnoy sobstvennosti ili vpered k chastnoy sobstvennosti? [Back to private property of forward to private property?]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 5–23.
- Pliskevich N. M. (2006) "Vlast-sobstvennost'" v svyaznoy Rossii: proiskhozhdenie i perspektivy mutatsii ["Power-ownership" in Modern Russia: the origins and the possibility of mutation]. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 62–113.
- Popova I. P. (2009) Otnoshenie k chastnoy sobstvennosti v razlichnykh sotsial'no-professional'nykh gruppah [Attitude to private property in various social and professional groups]. *Sotsiologiya vlasti*, no. 1, pp. 22–32.
- Prava sobstvennosti, privatizatsiya i natsionalizatsiya v Rossii* [Property rights, privatization and nationalization in Russia] (2009) Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pravo i natsionalniye traditsii (2016) Materialy kruglogo stola [Law and national traditions. Materials of the round table]. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 5–41 (http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52).
- Privatizatsiya v sovremennoy mire: teoriya, 'empirika, "novoe izmerenie" dlja Rossii* (2014) [Privatization in the modern world: theory, empirics and a "new dimension" for Russia]. Moscow: Delo.
- Radyigin A. (1998) Rossiyskaya privatizatsiya: natsionalnaya tragediya ili institutsionalnaya baza postsovet'skikh reform? [Russian privatization: national tragedy or institutional base of post-soviet reforms?]. *Mir Rossii*, no. 3, tom VII, pp. 3–32.
- Sobstvennost' i biznes v zhizni i vospriyatii rossijan* [Property and business the way Russians perceive it] (2006) Moscow: Nauka.
- Suharev O. (2013) *Privatizatsiya, natsionalizatsiya i 'ekonomicheskaya reforma (printsipy, kriterii, teoriya disfunktsii)* [Privatization, nationalization, and economic reform (Principles, criteria, theory, dysfunctions)]. Moscow: Finansy i statistika.
- Tikhonov V. (1994) Reforma sposobstvuet usileniyu monopolizma [The reform enhances the monopoly]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 5–14.